

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛЕМИКА ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Никандров Алексей Всеволодович, кандидат политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., 27, E-mail: bobbio71@mail.ru

Статья посвящена полемике и политической деятельности французских интеллектуалов – Жюльена Бенда, Поля Низана, Романа Роллана, Анри Барбюса – которую они вели в 20-30-е гг. XX в. Polemika, связанная со спорами о предательстве и дезертирстве, касается проблемы автономии интеллектуалов – одной из важнейших проблем отношения интеллектуала и политики – и перерастает в дебаты об отношении интеллектуалов и коммунистической партии. Участие в многочисленных политических организациях и мероприятиях, связанных с компартией, предпринимаемое рядом французских интеллектуалов, подвергалось острой критике со стороны их коллег. В 30-е гг. XX в. в среде французских интеллектуалов была выдвинута идея о том, что смыслом деятельности интеллектуала в политике, его важнейшей политической ролью является защита культуры. Такая трактовка роли интеллектуала связана с именем Романа Роллана, в долгой дискуссии которого с интеллектуалом-коммунистом Анри Барбюсом были еще задолго до выхода памфлетов Ж. Бенда поставлены и решены многие вопросы, не нашедшие своего разрешения в полемике вокруг работ Ж. Бенда. В 1919 г. А. Барбюс при участии Р. Роллана основывает международную независимую от политических партий организацию интеллектуалов – группу «Кларте» – которая ставила целью втянуть в политическую борьбу широкие круги интеллигенции, привлекая их к политическому воспитанию масс. Эта организация послужила прообразом и отчасти моделью будущих союзов интеллектуалов, преследующих цели борьбы с фашизмом и защиты культуры. «Кларте» – первое и принципиально новое движение интеллигенции и интеллектуалов, созданное с политическими целями, но на независимой от конкретных политических партий, организаций и деятелей основе, и с собственными целями.

Ключевые слова: интеллектуалы, классовая борьба, предательство интеллектуалов, дезертирство интеллектуалов, коммунисты, Коминтерн, независимость интеллектуалов, независимость духа, антифашизм

THE POLITICAL ACTIVITY AND CONTROVERSY
OF FRENCH INTELLECTUALS IN THE 20–30ies Of XX CENTURY

Nikandrov Aleksey V., Ph.D. (Policy), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovskiy ave., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, E-mail: bobbio71@mail.ru

The article is devoted to polemics and political activities of French intellectuals – Julien Benda, Paul Nizan, Romain Rolland, Henri Barbusse – which these intellectuals were in the 20-30-ies of XX century. The controversy associated with disputes about the betrayal and desertion, for the problem of the autonomy of intellectuals – one of the major problems of the relationship of intellectual and policy – develops into a debate about the attitude of intellectuals and the Communist party. Participation in numerous political organizations and activities associated with the Communist party, made by a number of French intellectuals, has been severely criticized by their colleagues. In 30-ies of XX century among the French intellectuals put forward the idea that the meaning of activities of the intellectual in politics, his most important political role is the protection of culture. This interpretation of the role of the intellectual is associated with the name Romain Rolland, in long discussions with the intellectual Communist Henri Barbusse were long before the release of the pamphlets of J. Benda formulated and solved many issues that haven't found their resolution in the controversy around the works of J. Benda. In 1919 H. Barbusse, with the participation of R. Rolland founded the international independent from political parties organization of intellectuals – the group “Clarté” was aimed to involve in the political struggle of wide circles of the intelligentsia to withdraw them, bringing political education of the masses. This organization served as a prototype and model for all future unions of intellectuals pursuing the objectives of the fight against fascism and protection of culture. “Clarté” is the first fundamentally new movement of the intelligentsia and intellectuals, created for political purposes, but independent of political parties, organizations and figures, with its own ideological basis and purpose.

Keywords: intellectuals, class struggle, the betrayal of the intellectuals, the desertion of the intellectuals, the Communists, the Comintern, independence from of intellectuals, independence of spirit, anti-fascism.

«Проблема интеллектуалов» – от споров о дефинициях до дебатов о формах политического участия – одна из увлекательнейших и при этом достаточно серьезных проблем политической истории XX в. Кто они, в чем суть их деятельности и как конкретно эта социальная группа (если мы признаем, что интеллектуалы – это как минимум социальная группа) оперируют? собственно интеллектом, разумом (причем в политике, по отношению к политике), – анализ и критика (концепций и доктрин, или также политических решений, стратегий, высказываний политиков, принятых законов) или также разработка своих проектов, предложений (не говоря уж о концепциях и подходах к разрешению различных проблемам политики)? На каком основании писатели и другие представители совершенно разных слоев интеллигенции считают себя вправе выносить суждения относительно политических событий, решений, стратегий, идеологий? Являются ли политические мыслители, ученые-политологи, эксперты и аналитики в области политики – интеллектуалами по определению, или же им необходимо, помимо того, что они делают, делать что-то сверх этого, дабы быть (или считаться) интеллектуалами?

Для того, чтобы обозначить ответы на эти и связанные с ними другие вопросы, неизбежно возникающие при первом же обращении к проблеме определения интеллектуала по отношению к политике, – следует хотя бы поверхностно «пробежать» по истории споров о роли и месте в обществе, о статусе и задачах тех, кто бесспорно принадлежал к числу интеллектуалов. Легко увидеть, что споры об интеллектуалах на протяжении почти всего XX в. преимущественно велись самими интеллектуалами. Задачу получения представления о «сущности» интеллектуала это не облегчает, но – вне сомнений – делает ее по меньшей мере крайне увлекательной. При этом, по нашему мнению, в поисках «сущности» надо исходить из того, что ключом ко всей проблематике, связанной с интеллектуалами, является, если можно так выразиться, «основной вопрос интеллектуалов» – вопрос автономии (или независимости) в их политической деятельности. Будет легко заметить, что самая острая полемика среди интеллектуалов, чему бы она ни была посвящена, явным или неявным образом имеет истоки именно в разногласиях по вопросу автономии интеллектуалов. Это в сильной степени прочитывается у Шарля Пегги; проблема независимости интеллектуалов серьезно дебатировалась в споре Ромена Роллана и Анри Барбюса и связанной с этим спором полемике клартистов и ролландистов; острейшего накала дискуссионные страсти достигают в баталиях Жюльена Бенда и Поля Низана по поводу «предательства и дезертирства». К большей или меньшей определенности в решении проблемы автономии интеллектуалы пришли уже после Второй мировой войны, – и это выразилось в обосновании Ж. Бенда и несколько позже Норберто Боббио нового «категорического императива» интеллектуалов – «не носить партбилет», не принимать непосредственного участия в политике, оставаясь в рамках своей «епархии», своей «юрисдикции»⁶.

Будучи с самого своего возникновения в «буре дела Дрейфуса» (Ромен Роллан) активной политической силой, но разделенной в самой себе и не представляющей иной форму существования, кроме бурной полемики по бесчисленным вопросам, интеллектуалы с самого начала не мыслили свою историю иначе как историю споров о самих себе. В самом деле, прежде чем участвовать в полемике на сугубо политические темы, выступать с требованиями и критикой, новой «своеобразной общественной группе» (М. И. Туган-Барановский) необходимо было «оправдать» это участие, «представиться» общественности и политикам, с одной стороны, – и более или менее четко представлять себе собственную роль, равно как и то, на чем эта роль базируется, на каких основаниях выдвигаются требования и чем они обосновываются, – с другой.

Полемику интеллектуалов по вопросам самоопределения можно представить как два больших комплекса проблем. В ходе почти целого века интеллектуалы спорили, выдвигая различные решения по вопросам, с одной стороны, о предназначении, роли, обязанностях, – и наконец, о смысле и цели политической деятельности; а с другой – о принципиальной возможности такой деятельности, об *инстанции*, которая дает интеллектуалу право политического участия. Впрочем, по последнему вопросу в ходе длительной, более чем полувековой полемики, было достигнуто определенное согласие. Такой инстанцией является культура, и поэтому все противоречия истории интеллектуалов по определению связаны с противоречиями отношений политики и культуры. Выдвижение этого принципа связано с именами и политической деятельностью французских интеллектуалов – Ромена Роллана и Анри Барбюса, а обоснование – с именем итальянского интеллектуала Норберто Боббио, автора важнейшей работы XX в. по «теории интеллектуалов» – «Политика и культура» (1955). Интеллектуал, полагает Норберто Боббио, является «человеком культуры», и до тех пор, до тех пор, пока им остается, действует и его право называться интеллектуалом, действителен его «политический мандат», в силе его идеи, призывы и манифесты. На основании своей принадлежности к культуре интеллектуал вправе судить и выносить вердикты о политике и власти, о политических решениях и о политических деятелях; более того – подчас интеллектуал не столько вправе судить, сколько не имеет права уклониться от свершения своего суда, чего бы ему это не стоило. История интеллектуалов предоставляет нам много примеров мужества судить, честности и бескомпромиссности людей культуры, их бесстрашия и решительности.

Принадлежность интеллектуала к миру культуры не решает автоматически проблему формулировки цели его политической активности и не отвечает строго на вопрос о том, в чем заключается его роль в политике, хотя, казалось бы, ответ – «защита культуры» как главная цель, определяющая любые его политические действия и его борьбу, которую он ведет в политике, – возникает сам собой. Но, во-первых, при всей кажущейся очевидности и правильности таким образом сформулированной роли в политике, выдвинуто это положение было только в межвоенный период (Р. Роллан и А. Барбюс), а обосновано и превращено в программу действий Н. Боббио только в 50-х гг. XX в. Во-вторых, прежде чем было предложено такое «простое» решение, интеллектуалам предстояло пройти долгий путь поисков ответов на вопросы об отношении к партиям, о степени автономии от партий и о степени независимости от политических догм, о возможности сохранения интеллектуальной независимости при участии в политической жизни и борьбе в составе той или иной партии.

Весьма важной и продуктивной в плане самосознания и самоанализа интеллектуалами своей роли оказалась крайне противоречивая как в содержательном, так и понятийном смыслах концепция Жюльена Бенда, изложенная в двух книгах-памфлетах: «Предательство интеллектуалов» (1927; 2-е издание – 1946) и «Конец вечности» (1929). Истинный интеллектуал (точнее, *кларик*), полагает БENDA, чужд политических страстей и космополитичен, его родина – истина, справедливость, – вечные ценности разума. Соблазн национализма при этом – самый опасный из всех соблазнов, противостоящих интеллектуалу: «...Основным источником интеллектуального предательства является “национальная страсть”, а также все

⁶ Партийный догматизм, партийные императивы, убежден и Жюльен БЕНДА, и Норберто БОББИО, – деформируют сознание интеллектуала, нивелируя его особую роль в политике, сводя ее до простой партийно-политической деятельности, и превращая «человека культуры» в «человека с партбилетом».

подобные ей страсти к отождествлению с героем или принадлежности к определенному коллективу» [14, с. 75]. Предатели – те из интеллектуалов, кто служит партии, классу, государству, – тогда как истинному интеллектуалу (Бенда в качестве правильного названия той группы, что имеет в виду, употребляет слово *clercs*) следует служить исключительно истине и справедливости. Аристотелевская созерцательная сосредоточенность, подобающая настоящему интеллектуалу, т.е. «клирику», не должна заменяться политическим митингом, где людьми управляют идеологии, т.е. «мысли, искаженные коллективными страстями» [2, с. 9]. Интеллектуалы, предавшие свое призвание и «предавшиеся» политике, рискуют полным растворением в ней вместе с утратой своей сущности. Оправданий такому предательству Бенда не принимает: «Признаю, я не верю в интеллектуала, который, как меня уверяют, предается политической деятельности из чувства долга, в силу смирения, тогда как основой его существования была страсть к чистоте духа. Страсть к духовным вещам – это императив; тот, кто поражен ею, возможно уделит момент своей жизни публичности, но не отдаст ей ее всю целиком» [2, с. 33].

Работы Бенда оказались, помимо их дискуссионной ценности, явились важным этапом в процессе самосознания и самоопределения интеллектуалов, так как в ходе вызванной Бенда полемики окончательно фиксируется политическая составная понятия «интеллектуал», *постулируется* политическая роль этой новой группы, пусть даже и политическое значение соответствующего концепта вынесено в качестве обвинения интеллектуалам. Несмотря на очевидную противоречивость как обвинений, так и «позитивной» части концепции Бенда, его идеи и вызванные им споры принесли плоды. Во-первых, Бенда «помог» зафиксировать факт того, что интеллектуал «вмешивается» в политику следуя своим собственным внутренним убеждениям, без какого-то внешнего воздействия (что не отменяет в дальнейшем влияние партийных установок и доктрин, если личные побуждения привели интеллектуала в партию), – то есть заострить внимание интеллектуалов на проблеме собственной независимости, автономии. Во-вторых, им была остро поставлена проблема участия интеллектуалов в партиях и политических союзах, определена угроза превращения интеллектуала в политика, забвения своих подлинных целей (при любом понимании и трактовке смысла деятельности и роли интеллектуала – цель и смысл его политической активности резко отличается от целей и роли политиков, партийных деятелей: интеллектуал не стремится к власти, власть не является его целью).

Дискуссии о *trahison des clercs* начались сразу же по выходу книги в 1927 г. Одним из самых серьезных противников Бенда и соответственно, защитников интеллектуалов, был Поль-Ив Низан, друг Жана-Поля Сартра, вступивший в ряды французской компартии в 1927 г., написавший книгу «Сторожевые псы» (1932), – это, по сути, «контрпамфлет» в ответ на обвинения, выдвинутые Бенда. Интеллектуалов, отстраняющихся от политической борьбы, Низан обвиняет в *дезертирстве*. Спор идет о принципиальных сторонах политической позиции и целях деятельности интеллектуала: Жюльену Бенда, резко выступающему против политизации интеллектуального творчества, Низан возражает, приводя аргументы, свидетельствующие о том, что неагитированной философии не существует, и она может *действовать* (ведь философия, по Низану, – это прежде всего действие) только в политическом контексте; преданность же «вечным идеалам» – просто миф. «Грубая актуальность», как считает Низан, не позволяет философам быть отстраненными: желание «быть отсутствующими» – это дезертирство.

Книга «Сторожевые псы», – будет писать Н. Боббио, – «это критика, направленная прежде всего против сорбонских философов и интеллектуалов à-la Бенда, которых он как раз и клеймит “сторожевыми псами” правящего класса, со свойственным им спиритуализмом и претензией быть выше классов, тогда как “настоящая природа философии, как и всякой человеческой деятельности, – служить определенным персонам и их интересам”; с присущим им предубеждением, что будто бы они не становятся на определенную политическую позицию, тогда как при этом преспокойно принимают сторону власть имущих. Для коммуниста-неофита же речь идет о сознательном выборе определенной позиции – и этот выбор не может быть иным, нежели как выбор стороны угнетенных и обездоленных» [16, с. 806].

Итак, полемика, связанная со спорами о предательстве и дезертирстве, касается проблемы автономии интеллектуалов – одной из важнейших проблем отношения интеллектуала и политики: в какой мере интеллектуал, исполняющий политическую роль, действует в силу своего призвания и идеалов, а в какой – в силу его принадлежности к партии или иной форме политической организации? Если политическая роль его является необходимой, то в силу чего – собственной интеллектуальной инициативы или внешних по отношению к интеллектуалу императивов (например, партийной доктрины или решений партии относительно практических действий)? Критика аполитичности сама по себе не дает ответов на эти вопросы, так как не отвечает на основной вопрос: какая инстанция *сообщает* интеллектуалу политическую роль?

Идея о том, что смыслом деятельности интеллектуала в политике, его важнейшей политической ролью является защита культуры, разрабатывалась европейскими интеллектуалами после Первой мировой войны. Эта линия связана с именем французского интеллектуала Ромена Роллана, в долгой дискуссии которого с интеллектуалом-коммунистом Анри Барбюсом были еще задолго до выхода памфлетов Ж. Бенда, поставлены и решены многие вопросы, не нашедшие своего разрешения в полемике вокруг *trahison* Ж. Бенда. Более того, именно Р. Роллан в проработанной форме не только поставил, но и обозначил контуры решения проблем, которые волновали Бенда: отвергая «партийность интеллектуалов», подвергая критике тех из них, кто действует во имя эгонистических интересов партии или класса (как и Бенда), Роллан отстаивает принципиальную возможность и необходимость существования интеллектуалов, сплоченных нравственными принципами и осуществляющих, по выражению В. Е. Балахонова, «апостольскую» деятельность и состоящих, по словам уже самого Роллана, «на службе ни реакции, ни революции, – а только разуму» [1, с. 148].

Ромен Роллан, как говорит Стефан Цвейг, «не сомневался, что в эпоху господства партийности ни одно стремление не может быть более благодарным, чем стремление к беспартийности» [15, с. 445]. Равным образом во время разгула воинственных настроений призыв к миру может вызвать потоки нена-

висти. На фоне военной истерии в Европе, захватившей и людей культуры Франции и Германии, 22 сентября 1914 г. в «Журнале де Женев» Р. Роллан публикует свою знаменитую статью-манифест «Над схваткой» (*Au-dessus de la mêlée*) – пожалуй, один из ярчайших антивоенных манифестов истории, которым писатель открывает серию призывов и манифестов против войны и ненависти. Но именно шквал ненависти обрушился на мужественного интеллектуала, не побоявшегося пойти против «общественного мнения», как со стороны большинства французской, так и со стороны немецкой интеллигенции. Однако не все представители интеллигенции были ослеплены милитаристской пропагандой: многие деятели культуры уже в 1914 г. выразили свое сочувствие и поддержку писателю (среди них – С. Цвейг, Г. Уэллс, Г. Гессе, Б. Шоу, Э. Верхарн и др.). В 1915 г. к людям культуры, выступившим в поддержку писателя, присоединяются Альберт Швейцер, Альфред Эйнштейн и многие другие; в том же году А. Эйнштейн приезжает к Р. Роллану в Швейцарию («Роллану особенно понравилась в Эйнштейне “абсолютная, счастливая и единственная в своем роде независимость духа”» [7, с. 160]), – и так «все яснее становилось Роллану, что у него нет оснований чувствовать себя покинутым и обреченным на молчание. Разные люди в различной форме высказывали ему горячее одобрение и благодарность» [7, с. 161].

Призывы Ромена Роллана против разжигания ненависти, его борьба с милитаристской пропагандой и насилием постепенно (и достаточно быстро) оказываются действенными: «Его статьи способствовали разрушению многих иллюзий в сознании европейской интеллигенции, будили мысль, заставляли по-новому оценить содержание и цели войны, воспеваемой идеологами империализма» [1, с. 33]. С другой стороны, «по мере затягивания войны, когда с нее спали последние романтические покровы, наступило прозрение, за которым последовали мучительные попытки разобраться, кто виноват в том, что война обернулась трагедией, и что делать дальше (сакраментальные вопросы, мучившие и русскую интеллигенцию). Эти вопросы задавали себе даже люди правых убеждений, которых, как, например, Барреса, нельзя было заподозрить в симпатиях к пацифизму. Тем более не могли уклониться от них представители левой интеллигенции» [3, с. 488].

Анри Барбюс, отправившийся на войну добровольцем, уже к лету 1915 г. приходит к пониманию, что «война – это самоубийство одной армии... Самоубийству должно положить конец. Отсюда – не только безоговорочное осуждение империалистической войны, но и твердое решение: приложить все силы к тому, чтобы наперекор воле правительств народы протянули друг другу руки» [10, с. 41]. Антивоенный роман Барбюса «Огонь», начатый писателем в декабре 1915 г., вышел отдельной книгой в конце 1916 г. (перед этим по мере написания романа части его печатались в газете «Эвр»). «Огонь» – конечно, не первый опыт использования интеллектуалами художественной формы для выражения и пропаганды своих идей, но несомненно первый в этом ряду по эффекту. Роман вызывает широчайший резонанс, и не только во Франции. «В художественной литературе века не было книги, которая вызвала бы такую бурю восторгов и хвалы, сочувствия и озлобления, как “Огонь”. И не было книги, в такой мере ставшей фактором политическим. По сигналу монархической “Аксьон франсез” заговорили пушки главного калибра: реакционная пресса ударила по “крамольной книге”... Все, кого ужалила книга Барбюса, накинулись на “Огонь” и его создателя» [4, с. 104–105]. «Протест свидетеля», как роман «Огонь» соратник Барбюса, будущий коммунист Раймон Лефевр, – в отличие от «протеста принципа» Р. Роллана, – предоставляет интеллектуалу право судить и выносить приговор. Книгу Анри Барбюса высоко оценили Р. Роллан, А. Франс, Р. Лефевр, М. Горький; восторженно отзывался о романе Барбюса В. И. Ленин. Следующий роман Барбюса – «Ясность» («Clarté», 1919) – своего рода художественная артподготовка и «объявление о намерениях» создания целого движения интеллектуалов с таким же названием – Clarté. Глава «Ясность» («Clarté») из одноименного романа представляет собой нечто вроде программного заявления будущего союза-движения «Clarté». (Тут хорошо заметно, что Барбюсу было весьма дорого это слово, которым он хотел подчеркнуть как серьезность и однозначную антимилитаристскую и антибуржуазную направленность будущего союза, так и тот факт, что мыслящим людям многое стало ясным, понятным в области политической борьбы.)

С деятельностью Ромена Роллана и Анри Барбюса связано образование *непартийных* организаций интеллектуалов и участие в организационном оформлении движений интеллектуалов, выдвигающих политические цели защиты мира и культуры. Р. Роллан, верный своему принципу «вне партий, но не вне политики», после Первой мировой войны продолжал выступать с пацифистскими и антивоенными статьями, призывая нацию к умиротворению и защите ценностей культуры, подвергаемые войнами опасностям. Интеллектуал, полагал Р. Роллан, не должен поддаваться национальным амбициям и шовинистическим устремлениям; по отношению к подобным идеям и доктринам интеллектуал обязан сохранять независимость. Р. Роллан обвиняет тех интеллектуалов, которые, отказавшись от своей независимости, во время Первой мировой войны оказались неверны своему долгу. «Независимость духа» писатель-интеллектуал рассматривает в качестве главного условия выполнения этой политической роли интеллектуалов. Р. Роллан был одним из первых писателей-интеллектуалов, поставивших проблему ответственности интеллигенции за преступления милитаризма. Среди подписавших «Декларацию независимости духа» Р. Роллана (опубликована в «Юманите» 26 июня 1919 г.) – Анри Барбюс, Бенедетто Кроче, Бертран Рассел, Стефан Цвейг. Публикация Декларации вызвала и негативные ответы в стиле резко критического «Протеста интеллектуалов» М. Барреса. Так, Анри Массис, идеолог правых, воинствующий империалист и клерикал, ученик Ш. Моррасса, исследователь творчества Э. Золя и М. Барреса, критик политических взглядов Р. Роллана, – публикует ответ на Декларацию Роллана – статью «За партию интеллигенции», в которой отстаивает тезис о необходимости противостоять «большевистской агрессии» левых интеллектуалов⁷, в

⁷ «Контрманифест» Массиса опубликован в «Фигаро» 19 июля 1919 г., в нем правый интеллектуал «отвечает» как Роллану, так и создателям группы «Кларте», в стиле Бенда, но жестче (и уж явно незаслуженно)

старых антидрейфусарских традициях обвиняя интеллектуалов в том, что они «продались большевикам» (под «огонь» критики Массиса попало также новосозданное объединение интеллектуалов «Кларте»).

Независимость духа для Р. Роллана – не самоцель, не призыв к отстраненности от политической борьбы, но, по выражению самого писателя, бастион интеллектуалов, принцип их сплочения вопреки разногласиям: «Ведя бой, я пытался в то же время сохранить бастион независимости духа. Я не собирался превращать его в каменную башню из слоновой кости. Напротив, я считал, что это передовой редут, что это редут революции. <...> Именно программу действий интеллигентов я представлял себе как неуклонную и беспощадную борьбу против убийственных идей, распространяемых политической и социальной реакцией, против националистического бреда, против всех отравляющих сознание предрассудков» [13, с. 25–26]. По словам В. Е. Балахонова, «Разум и Истина – единственная цель, служить которой призван Интернационал духа. Задача интеллигенции – показать народу некую “Полярную звезду” среди политических страстей дня. Под народом Роллан в данном случае разумеет единый “универсальный” народ, находящийся за пределами национальных границ, общий союз разумных и равных друг другу людей» [1, с. 149]. Конечно, Роллан в «Декларации» достаточно далек от политической практики, но именно эта отстраненность и разработка принципов интеллектуальной независимости, автономии интеллектуалов, придает его «Декларации» особую значимость и прочно встраивает в последующую полемику интеллектуалов об автономии, независимости от партий и доктрин. Несомненно, принципы и идеи «независимости духа», отстаиваемые и обосновываемые Р. Ролланом, оказали серьезное влияние на Барбюса, что показывает история «Кларте».

Р. Роллан участвует в создании Анри Барбюсом в 1919 г. международной независимой от политических партий организации интеллектуалов – группы «Кларте», которая, при всей декларируемой независимости от партий, была изначально близка к советскому коммунизму и ставила целью «втянуть в общественную, политическую борьбу широкие круги интеллигенции, вывести их на путь активной деятельности, привлечь к политическому воспитанию масс» [1, с. 159]. Эта организация послужила прообразом и отчасти моделью будущих союзов интеллектуалов, преследующих цели борьбы с фашизмом и защиты культуры. А. Барбюс призывал интеллектуалов покончить с равнодушием и апатичностью, рассматривая деятельность интеллектуалов как осуществление прогрессивных антибуржуазных планов и программ, т.е. призывая к активной политической борьбе.

«Кларте» – первое и принципиально новое движение интеллигенции и интеллектуалов, созданное с политическими целями, но на независимой от конкретных политических партий, организаций и деятелей основе и с собственными целями (при сколь угодно большой общности идей с Коминтерном) и установками. Исходным пунктом было убеждение основателей в том, что интеллигенция способна на политические действия, способна ставить цели и достигать результатов в политике, – без «руководства» со стороны класса, партии и т.д. В этом – важнейшее сходство взглядов Роллана и Барбюса – сохранить особую позицию, влиться в политику, но не слиться с ней, не стать чьим-либо «филиалом»: «... Барбюс, как и Роллан, сохранял веру в особое предназначение интеллигенции и тем самым в некоторых вопросах еще ставил группу «Кларте» над партией, над партиями. “Нужно, – говорит он, – чтобы мы могли во всех обстоятельствах судить все партии, каковы бы они ни были, и поддерживать независимость принципов, которые мы провозглашаем”» [1, с. 167].

«Кларте» – массовое, организационно оформленное движение, имеющее свои газету и журнал, издающее книги. Руководящие структуры, филиалы и дружественные организации «Кларте» создаются и появляются по всему миру – не только в Европе, но и в США (в американском отделении «Кларте» некоторое время работал небезызвестный Макс Истмен), странах Латинской Америки, Японии, даже Турции. Основателями движения были, помимо Барбюса, будущие интеллектуалы-коммунисты Р. Лефевр и П. Вайян-Кутурье; в состав «Кларте» вошли известные деятели культуры, включая А. Франса; после учреждения Международного руководящего комитета «Кларте» в него в разное время входили, помимо трех основателей, Г. Уэллс, С. Цвейг, Э. Синклер, Б. Шоу, Р. Тагор, С. Лагерлеф, Г. Манн и др. Участие в новом движении принимали также Р. М. Рильке, Т. Гарди, Э. Морель, Б. Рассел, Н. Хикмет и др. Ромен Роллан, как уже отмечалось, был на стороне Барбюса и «Кларте»: так, по словам Ф. С. Наркирьера, «Роллан решительно возражал против того, чтобы его отказ вступить в “Кларте” был использован во вред движению и выражал “свое безграничное восхищение Барбюсом не только за его замечательное творчество, но и за его великий человеческий подвиг”» [10, с. 210]. В развернутом и обоснованном виде программа «Кларте» представлена в книге А. Барбюса «Свет из бездны. К чему стремится группа “Кларте”» (1920) – от анализа причин Первой мировой войны и апологетики коммунизма и признания неизбежности «революционного насилия» писатель переходит к формулировке предназначения нового союза интеллигенции; при этом несмотря на признание доктрины III Интернационала как фактически установочной, Барбюс не отказывается от «надпартийности» группы [10, с. 210–214].

Политико-пропагандистские задачи превалировали в деятельности движения: это и манифесты в защиту Советской России, антивоенная пропаганда; и организация митингов, – не говоря уже об издании книг, проведении лекций и собраний; распространении листовок и т.п. Однако при всей своей внепартийности группа изначально была *предназначена* и для выполнения сугубо политических задач. Так, Ф. С. Наркирьер утверждает: «В 1919–1920 годах сама жизнь поставила перед “Кларте” прежде всего задачи политические. Главной из них был вопрос о вступлении французской социалистической партии в Коминтерн, о превращении ее в партию нового типа. ... “Кларте” стала одним из центров, где подготавливалось

бросая упрек « всяким Ролланам, Барбюсам, обвиняющим французских писателей в том, что они опозили, принизили, опозорили мысль...».

создание ФКП» [10, с. 217]. Безусловно, нет смысла говорить о «борьбе» между стремлением Барбюса к независимости от партий с их установками и доктринами (речь шла, конечно же, о вполне конкретной партии, доктриной которой на тот момент и была «доктрина III Интернационала») и собственно «притяжением» Коминтерна и советского руководства (эти силы изящно называются у Наркьерера «самой жизнью»). Однако говорить о попытках французского интеллектуала сохранить определенную степень независимости говорить смысл имеет. В этом же ключе, как представляется, следует рассматривать идеи создания на основе «Кларте» иных объединений интеллигенции, иных форм «Интернационала интеллигенции». Одно из самых ярких таких предприятий (окончившихся, разумеется, неудачно) – подготовка Международного конгресса независимых интеллигентов в Берне: тут налицо явное желание на основе «Кларте» создать организацию по типу «Кларте», но с меньшей степенью привязки к Коминтерну.

«Кларте» не было бы движением интеллектуалов и интеллигенции, если бы деятельность этого союза не «аккомпанировалась» многочисленными, бурными и долговременными дискуссиями и полемикой. Конечно, важной частью этой полемики было противостояние с реакционерами, – прежде всего противостояние интеллектуальное: так, известны споры с Ш. Моррасом, яростным противником демократии (ему принадлежит известный афоризм «Есть только одно средство улучшить демократию – уничтожить ее»). Однако «конституирующим» противоречием «Кларте», отразившимся в соответствующей знаменитой полемике Р. Роллана и А. Барбюса, представленной серией выступлений и ответов на страницах прессы в 1921–1922 гг. Если Барбюс, при всем своем стремлении к сохранению некоторой доли независимости, склоняется к решительной борьбе, к практически полному погружению в политику, к безоговорочной поддержке Советской России и коммунизма, – то Р. Роллан выступал за сохранение определенной (и довольно серьезной) дистанции от политики, склонялся к пацифизму, критике «революционного террора» как ошибочной тактики русской революции. Верный принципу Шарля Пегги – «социальная революция будет моральной или ее не будет вовсе» – Роллан «не столько отвечает на критику “ролланнизма”, сколько отстаивает свою старую мысль: самое главное – защита высоких моральных ценностей, человечности, свободы, истины. “Эти моральные ценности должны всегда оставаться неприкосновенными. В интересах самой революции. Ибо если революция стала бы ими пренебрегать, она рано или поздно была бы обречена на нечто большее, чем материальное поражение: на моральное банкротство”» [10, с. 236].

Совершенно ясно, что противоречие между двумя интеллектуалами – неразрешимое, и хотя в дальнейшем Р. Роллан с некоторыми оговорками признал правоту Барбюса, это не отменяет ни суть спора, ни аргументов двух сторон. Самое же важное здесь – тот факт, что интеллектуалы не существуют без полемики и дискуссий, и любые проблемы всегда влекут за собой дискуссии и вне дискуссий быть решены не могут (и то при этом никакое «разрешение спора» не может считаться окончательным), тогда как уклон в сторону политики неизбежно ведет к перерождению союзов интеллектуалов, если не к распаду этих союзов и обществ. Способны ли сами интеллектуалы – без организационной, финансовой и иных форм поддержки со стороны политиков – создавать союзы, основывать движения, причем с политическим уклоном, если не чисто политические? Могут ли интеллектуалы вырваться из сферы влияния политиков? Анализ деятельности движения «Кларте» по меньшей мере дает право не давать автоматически отрицательный ответ на этот вопрос. Однако при этом история «Кларте» предельно ясно показывает, что любое политическое объединение интеллектуалов (а зачастую и политическое объединение *с участием* интеллектуалов) неизбежно или превращается в арену бесконечной полемики – так как ни полного, ни даже частичного согласия по политическим вопросам у интеллектуалов не может быть в принципе – и таким образом распадается; или же, в ходе усиления политизации, превращается в политическую структуру (а скорее, примыкает к действующим партиям), руководимую согласно принципам, более чем далеким от всяких споров и дискуссий, а значит, чуждую интеллектуалам и интеллигенции.

Так или иначе, но политические объединения интеллектуалов, руководимые самими интеллектуалами при отсутствии любого рода «руководящей и направляющей» силы – невозможны, тогда как любые другие организации интеллектуалов, созданные не ими и не по их инициативе, неизбежно превращаются в дискуссионные площадки. Если культура объединяет интеллектуалов, то политика их разъединяет, ввергая в нескончаемую полемику (или, на языке партийных критиков, «идейную путаницу»). Это показывает не только история «Кларте», но и история писательских объединений Западной Европы 20-х – 30-х гг. под эгидой Коминтерна и российской компартии. Исходя из этого логично задать вопрос: а самим партиям, политикам, – так ли необходимы интеллектуалы с их спорами и разногласиями, которые могут поставить под сомнение «идейное единство» партийной догматики? Еще более остро звучит этот вопрос, если интеллектуал является «по совместительству» также и политическим мыслителем, пытающимся развить учение партии, неизбежно имеющее догматический характер. В самом деле, нужны ли партии идейные столкновения, «творческие развития» и «метафизические обоснования» их догм? Современный политический мыслитель и исследователь истории политической мысли Ян-Вернер Мюллер на примере Георга Лукача и Эрнста Блоха показывает, что с самого начала «большинство компартий в Западной Европе не было особенно заинтересовано в интеллектуалах. Но сами интеллектуалы очень интересовались коммунизмом, несмотря на то, что партии-авангарды становились невероятно тяжелой проблемой для тех, кто стремился играть роль “промежуточных фигур”» [8, с. 115].

Анри Барбюс в 1924 г. самоустраняется от руководящих и редакционных постов в «Кларте» – именно потому, что группа явно склонялась на скользкий путь политики, вопреки мечте основателя о широком внепартийном охвате интеллигенции. Хотя бы и с партбилетом, интеллектуал все равно остается интеллектуалом, и Барбюс предпринимает новую попытку преодоления разобщенности интеллигенции на основе принципов внепартийности – вокруг основанного им в 1928 г. журнала «Монд», в редколлегия которого вошли А. Эйнштейн, А. М. Горький, Э. Синклер, М. де Унамуно. Основная направленность нового

журнала – борьба с фашизмом и подготовка антифашистских мероприятий интеллигенции. Надпартийная позиция журнала не скрывалась, но скорее даже позиционировалась; Барбюс действовал в соответствии с собственными убеждениями и представлениями о роли писателя и интеллигенции, о свободе критики и интеллектуальной полемике, не как «литературный комиссар», – безусловно, совершенно не в русле «руководящих установок» тех лет. Ф. С. Наркирьер, достаточно благожелательно настроенный по отношению к Барбюсу исследователь, говорит об этом сдержанно: «Говоря об общей тенденции “Monde” за 1928–1930 гг., нельзя не отметить все усиливающуюся идейную путаницу. Плохую услугу оказали журналу провозглашенные им принципы неорганической “свободы мнений” и “абсолютной объективности”. На страницах “Monde” излагались различные, порой исключают друг друга точки зрения, а редакция занимала позицию беспристрастного наблюдателя» [9, с. 228]. Партийная пресса открывает по Барбюсу огонь – серию довольно жестких статей, среди которых выделяется статья Бруно Ясенского с очень характерным и знакомым названием «Универмаг идеологий». Б. Ясенский обвиняет «Монд» и лично Барбюса в том, что журнал «превратился в “международный мелкобуржуазный аукцион идей”, скатился до роли “универсального магазина”, озабоченного единственно удовлетворением потребителя той или иной “точки зрения”» [9, с. 230]. За критикой отдельных коллег последовала более серьезная критика на высоком партийно-писательском уровне, далее последовали угрозы А. М. Горького снять свое имя как члена редколлегии журнала. Барбюс последовательно отстаивал свою позицию, оставаясь на *универсальных* позициях, несмотря на высокий накал дискуссионных страстей. Критика прекращается в 1932 г. по большому счету победой Барбюса, до смерти в 1935 г. он руководит журналом. Требование «литературного руководства» одно – полное подчинение: так, в одном из писем, адресованных Барбюсу, говорится: «...Борьба классов, обостряясь во всем мире, разграничивает все более резко два непримиримых лагеря: лагерь воинствующего пролетариата и лагерь буржуазии... В этой борьбе нет больше места тем, кто хочет занимать позицию посредника в этом решительном конфликте классов. Эта борьба категорически ставит перед каждым истинным революционером следующий вопрос: с пролетариатом или с врагами пролетариата? (Хотя если революционер *истинный* – то какой смысл в такой постановке вопроса? – А. Н.) Никакая форма сотрудничества с защитниками буржуазии, с врагами пролетарской революции, с клеветниками Советского Союза недопустима больше для солдата пролетарской армии. Она ставит его вне наших рядов» [5, с. 60].

Свои принципы Барбюс отстаивает, в частности, в письме 1930 г., направленном партийному руководству: «Я никогда не считал, что “Монд” должен стать изданием партии. Моя концепция... состоит в том, чтобы сделать “Монд” органом объективной информации, находящимся вне партий, который обеспечивает свое влияние и деятельность только в результате опоры на неопровержимые факты, представляя их мировой публике в наиболее достоверной манере, с минимальными комментариями, позволяя фактам, которые строжайшим образом очищены от фальсификаций и легенд, самим ориентировать читателя на революционные решения» [5, с. 64]. Таким образом, Анри Барбюсу в некоторой мере удается отстаивать идею объединения интеллектуалов, которое во многом напоминало бы «Кларте» до 1923–1924 гг. В полной мере принципы, составляющие эту идею, конечно же, отстаивать не удалось, однако для истории интеллектуалов в данном случае более важна сама эта идея, концепция организации интеллектуалов во Франции, разработанная Барбюсом с учетом опыта «Кларте». В достаточно четкой форме интеллектуал представляет свое видение французской секции Международного Объединения революционных писателей (МОИП) как «союза интеллектуалов» в письме А. В. Луначарскому (1926). Прежде всего, по мысли А. Барбюса, такой союз не должен идентифицировать себя с компартией и Коминтерном, оставляя «двери открытыми», действуя на основании принципов, которые, «не вступая в противоречие с политической доктриной коммунизма, не были бы привязаны к ней исключительно и буквально» [5, с. 48]; да и вообще, организация должна быть «свободной от всяких политических привязок». Конкретные политические цели (прежде всего – критика буржуазной культуры, ее идеологии и программ) должны, по мнению Барбюса, достигаться на постоянной основе «путем организации крупных мероприятий, с использованием широкомасштабных методов... опирающихся на публичные мероприятия с привлечением коммерческих средств, широко захватывая все общество, а для этого: необходима еженедельная газета (за неимением ежедневной), издание книг и переводов – литературных, научных, исторических и педагогических; театральные и кинопоказы» [5, с. 48]. Не забывает Барбюс и о руководстве, предлагая кандидатуры ряда интеллектуалов для секретариата организации интеллектуалов (причем в этот список Барбюс включает и тех, с кем у него были столкновения, – например, Виктора Сержа). Как видно из всего этого, преодоление разобщенности интеллектуалов для Анри Барбюса было задачей наиважнейшей, ради решения которой он готов был пожертвовать личными амбициями.

Несмотря на разногласия А. Барбюса и Р. Роллана (а Роллан поначалу не разделял призывы Барбюса к активной защите Советской республики и коммунистическую направленность манифестов), равно как и на полемику между ними 1921–1922 гг., – но все же в главном эти два крупнейших и влиятельнейших в межвоенный период интеллектуалов были согласны: интеллигенция должна проявлять активность в политике, действовать, – и никакая политическая разнонаправленность не может этому препятствовать: основным служением интеллигенции идеалам мира и культуры является «надпартийная» позиция (степень этой «надпартийности» Барбюс и Роллан оценивали, конечно, по-разному). Интеллектуал не может быть жестко привязан к определенной доктрине, обладая определенной свободой, автономией по отношению к идеологиям, доктринам, партийным установкам и императивам.

В начале 1930-х гг. Ромен Роллан приходит к осознанию необходимости более активной политической деятельности, вплоть до личного участия в борьбе. Об этом свидетельствует ряд его работ. Так, в статье «Прощание с прошлым» (1931) писатель признает ошибочность прежних взглядов: «...Я без всякой пощады произношу... свое *Mea culpa* и предъявляю обвинение той эпохе. Я не скрываю своих ошибок; я показываю, какого труда стоило мне прорваться сквозь толщу грозных туч, что спустились над нашими

головами правительства и их пресса...» [11, с. 320]. В статье «О роли писателя в современном обществе» (1935) Р. Роллан достаточно энергично отказывается от прежних установок на независимость духа – «независимость духа, эстетство, достоинство писателя, вечное искусство ради искусства» – ради действия: «Сегодня подобное начертничество Духа – которому и я отдал дань, как и другие, – столь же неуместно и далеко от действительности, как были неуместны во время осады Константинополя дискуссии о том, какого пола ангелы. Константинополь снова осажден. Вся цивилизация, все человечество переживают ныне могучий сдвиг, находятся в состоянии войны. Следовательно, истинный вопрос, который стоит перед нами, таков: “О роли художника в обществе, пребывающем в состоянии войны”» [12, с. 81]. Так, по словам Майкла Дэвида-Фокса, «восхищение французского писателя личностью Ганди в 1920-х гг. сменилось преклонением перед Сталиным в 1930-е. Во время этой трансформации утонченный *grand écrivain* с тревогой и довольно неуверенно писал о нарушениях прав человека в СССР и периодически возникающих дебатах по этому поводу в Европе...» [6, с. 248]. Размышляя о причинах симпатии Роллана к сталинизму и личности Сталина, Дэвид-Фокс говорит, очень серьезно оценивая позицию и интенции выдающегося интеллектуала: «Его симпатия к сталинизму не была ни простой, ни переходящей. Массовые репрессии и пакт с Гитлером поколебали ее, но полностью уничтожить не смогли. Кроме этого, эта симпатия подпитывалась из удивительно большого количества источников. Некоторые из них относились к сфере идеологии и культуры – достаточно упомянуть давние социалистические взгляды Роллана и глубокой знание им истории Французской революции, а также его антифашизм и стремление к просвещению народа. Другие имели личный характер: его статус друга Советского Союза и роль посредников: не в последнюю очередь – его жены М. Кудашевой, а также давнего друга по переписке – Горького и всегда тревожно-внимательного Аросева. Возможно, самым поразительным и раздражающим фактором было то, что Роллан являлся “давним приверженцем культа героев”. В 1935 г. он перенес свое давнее преклонение перед великими историческими личностями на Сталина» [6, с. 396]. В любом случае – при всей самокритике и заверениях о «разрыве с прошлым», исследователя не может покинуть ощущение, что Роллан остался в глубине души, в принципиальных основах своего «бытия в политике», независимым и «надполитичным» мыслителем.

Список литературы

1. Балахонов В. Е. Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958.
2. Бенда Ж. Конец вечности. СПб., 2012.
3. Бровко Л. Н. Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии // Первая мировая война. Пролог XX века / отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998.
4. Гуро Л., Фоменко Л. Анри Барбюс. М., 1962.
5. Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / редкол.: Т. В. Балашова (предс.). М., 2002.
6. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.
7. Мотылева Т. В. Ромен Роллан. М., 1969.
8. Мюллер Я. -В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М., 2014.
9. Наркирбер Ф. С. Еженедельник «Monde» // Литературное Наследство. Т. 81. Из истории Международного Объединения революционных писателей / ред.: В. Р. Щербина (гл. ред.). М., 1969.
10. Наркирбер Ф. С. Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965.
11. Роллан Р. Герману Гессе // Роллан Р. Статьи, письма / сост., предисл. Т. Л. Мотылевой. М., 1985.
12. Роллан Р. О роли писателя в современном обществе // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века / сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. М., 1986.
13. Роллан Р. Панорама // Собр. соч.: в 14 т. М., 1958. Т. 13. Публицистика (1917–1939).
14. Уолшер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999.
15. Цвейг С. Совесть Европы // Собр. соч.: в 10 т. М., 1992. Т. 5.
16. Bobbio N. Intellettuali // Enciclopedia del Novecento. Roma, 1979. Vol. 3.

References

1. Balakhonov V. Ye. *Romen Rollan v 1914–1924 gody*. Leningrad, 1958.
2. Benda Zh. *Konets vechnosti*. St. Peterburg, 2012.
3. Brovko L. N. *Voyna, revolyutsiya i novaya kartina mira v ideologii germanskoy sotsial-demokratii. Pervaya mirovaya voyna. Prolog XX veka*. Ed. by V. L. Malkov. Moscow, 1998.
4. Guro L., Fomenko L. *Anri Barbyus*. Moscow, 1962.
5. *Dialog pisateley. Iz istorii russko-frantsuzskikh kulturnykh svyazey XX veka. 1920–1970*. Moscow, 2002.
6. Devid-Foks M. *Vitriny velikogo eksperimenta. Kulturnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody*. Moscow, 2015.
7. Motyleva T. V. *Romen Rollan*. Moscow, 1969.
8. Myuller Ya.-V. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Yevrope XX veka*. M., 2014.
9. Narkirer F. S. *Yezhenedel'nik “Monde”*. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 81. *Iz istorii Mezhdunarodnogo Obedineniya revolyutsionnykh pisateley*. Ed. by V. R. Shcherbina. Moscow, 1969, Spisok literatury
1. Balakhonov V. Ye. *Romen Rollan v 1914–1924 gody*. Leningrad, 1958.
2. Benda Zh. *Konets vechnosti*. St. Peterburg, 2012.
3. Brovko L. N. *Voyna, revolyutsiya i novaya kartina mira v ideologii germanskoy sotsial-demokratii. Pervaya mirovaya voyna. Prolog XX veka*. Ed. by V. L. Malkov. Moscow, 1998.
4. Guro L., Fomenko L. *Anri Barbyus*. Moscow, 1962.
5. *Dialog pisateley. Iz istorii russko-frantsuzskikh kulturnykh svyazey XX veka. 1920–1970*. Moscow, 2002.

6. Devid-Foks M. *Vitriiny velikogo eksperimenta. Kulturnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuz a i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody*. Moscow, 2015.
7. Motyleva T. V. *Romen Rollan*. Moscow, 1969.
8. Myuller Ya.-V. *Spyry o demokratii: Politicheskie idei v Yevrope XX veka*. Moscow, 2014.
9. Narkirer F. S. Yezhenedelnik “Monde”. *Literaturnoe Nasledstvo*. Ed. by V. R. Shcherbina. Moscow, 1969, vol. 81. Iz istorii Mezhdunarodnogo Obedineniya revolyutsionnykh pisateley.
10. Narkirer F. S. *Frantsuzskaya revolyutsionnaya literatura (1914–1924)*. Moscow, 1965.
11. Rollan R. Germanu Gesse. *Rollan R. Stati, pisma*. Moscow, 1985.
12. Rollan R. O roli pisatelya v sovremennom obshchestve. Nazyvat veshchi svoimi imenami. *Programmnyye vystupleniya masterov zapadno-evropeyskoy literatury XX veka*. Ed. by L. G. Andreeva. Moscow, 1986.
13. Rollan R. Panorama. *Sobr. soch.: in 14 vol.* Moscow, 1958, vol. 13. Publitsistika (1917–1939).
14. Uoltser M. *Kompaniya kritikov: Sotsialnaya kritika i politicheskie pristrastiya XX veka*. Moscow, 1999.
15. Tsveyg S. Sovest Yevropy. *Sobr. soch.: in 10 vol.* Moscow, 1992, vol. 5.
16. Bobbio N. Intelletuali. *Enciclopedia del Novecento*. Roma, 1979, vol. 3.
10. Narkirer F. S. *Frantsuzskaya revolyutsionnaya literatura (1914–1924)*. Moscow, 1965.
11. Rollan R. Germanu Gesse. *Rollan R. Stati, pisma*. Moscow, 1985.
12. Rollan R. O roli pisatelya v sovremennom obshchestve. Nazyvat veshchi svoimi imenami. *Pro-grammnyye vystupleniya masterov zapadno-evropeyskoy literatury XX veka*. Ed. by L. G. Andreev. Moscow, 1986.
13. Rollan R. Panorama. *Sobr. soch.: in 14 vol.* Moscow, 1958. Vol. 13. Publitsistika (1917–1939).
14. Uoltser M. *Kompaniya kritikov: Sotsialnaya kritika i politicheskie pristrastiya XX veka*. Moscow, 1999.
15. Tsveyg S. Sovest Yevropy. *Sobr. soch.: in 10 vol.* Moscow, 1992, vol. 5.
16. Bobbio N. Intelletuali. *Enciclopedia del Novecento*. Roma, 1979, vol. 3.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕОРИИ ВЛАСТИ М. ФУКО

Аласания Кира Юрьевна, кандидат политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, E-mail: alasaniak@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению концепции политического пространства, представленной в работах М. Фуко. В статье предпринята попытка показать важность взаимосвязей, существующих между понятиями пространства и «власти-знания», а также специфику существования данных понятий в рамках классификации обществ в политической теории Фуко. В связи с этим рассматриваются концепты общества суверенитета, дисциплинарного общества и общества контроля. Особое внимание уделяется исследованию идей паноптикума и «политической архитектуры» как важнейших для понимания феномена политического пространства в политической теории мыслителя.

Ключевые слова: власть, политическое пространство, паноптикум, политическая архитектура, дисциплина, контроль, дисциплинарное общество, общество контроля, власть-знание, механизм власти, техника власти.

THE CONCEPT OF POLITICAL SPACE IN M. FOUCAULT'S THEORY OF POWER

Alasania Kira Y., Ph.D. (Policy), Associate Professor, M. V. Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, E-mail: alasaniak@yandex.ru

The article examines a concept of political space represented in M. Foucault's works. The article shows the significance of links connecting the concepts of political space and “power-knowledge” as well as peculiarities of these concepts in terms of placing them in the context of Foucault's classification of societies in his political theory. The concepts of sovereignty societies, discipline societies and control societies are examined in this respect. The article pays special attention to the ideas of panopticon and “political architecture” as the most important ones in terms of Foucault's concept of political space in his theory of power.

Keywords: power, political space, panopticon, political architecture, discipline, control, disciplinary society, society of control, power-knowledge, power mechanism, power technique

Концепция политического пространства М. Фуко органично вписана в его теорию дисциплинарной власти. В творчестве философа феномен дисциплинарной власти является чрезвычайно многоаспектным, но описание основных его характеристик можно найти в работе 1975 г. «Надзирать и наказывать». В этом сочинении ясно показаны концептуальные взаимосвязи, являющиеся конституирующими для теории власти М. Фуко. С одной стороны, здесь раскрываются важные положения концепции «власти-знания», с другой – выкристаллизовывается специфика соотношения концепта политического пространства и механизмов действия власти.

Понятие наказания рассматривается Фуко как сложная общественная функция, представляющая собой определенную политическую тактику. Система преступлений и наказаний, а также история наук, имеющих целью исследование человека, его сознания, оказываются неразрывно связанными. Фуко утверждает, что уголовное право и гуманитарные науки имеют общую «эпистемолого-юридическую матрицу» [7, с. 36]. Изменение в одной из составляющих данной матрицы неизбежно влечет метаморфозы в другой ее части. Властные отношения можно наблюдать повсюду – в школе, казарме, больнице, семье. Так, знание и власть, человек и машина закона – уголовного, политического, экономического, социального – находятся в постоянном взаимодействии.

Напомним, что целью своего исследования Фуко считает описание «сравнительной истории современной души и новой власти судить, генеалогии нынешнего научно-судебного единства, в котором власть